

УДК 93/94

ОРГАНИЗАЦИЯ ПОВСЕДНЕВНОГО ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ КАЗЕННЫХ И ОБЩЕСТВЕННЫХ ЗДАНИЙ Г. ТАМБОВА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.¹

© Алина Сергеевна ЛОБАНОВА

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов,
Российская Федерация, аспирант, кафедра российской истории,
e-mail: valcan@mail.ru

Рассмотрена проблема организации технического обслуживания казенных и общественных зданий г. Тамбова во второй половине XIX столетия. Рассмотрен процесс подачи прошений по вопросу необходимости реконструкций, перечислены органы и лица, участвовавшие в цепочке организации и производства ремонтных работ. Представлены примеры и причины сбоев в работе данной системы, которые проявлялись в неудовлетворительном состоянии изучаемых зданий. Отдельно указаны особенности финансирования.

Ключевые слова: казенные и общественные здания; реконструкция; подрядчик; хозяйственный способ производства работ; прошения; акты свидетельства; ведомости; рапорт; финансирование.

История города как особой культурно-экономической единицы является предметом изучения значительного количества исследователей. В последние десятилетия историки активно изучают функции, систему заселения, формирование архитектурно-планировочной структуры города [1–4]. Ряд монографий содержит ценную информацию об особенностях градостроительства Сибири, Юга и Центра России [5–8]. Урбанисты анализируют взаимосвязь процессов градостроительства и власти, эволюцию и характер градостроительного законодательства, вопросы организации проектирования [9]. При этом в меньшей степени рассматривается непосредственное функционирование отдельных единиц, таких как казенные и общественные здания.

Жизненный опыт показывает: мало построить здание, требуется тщательно за ним следить, чтобы оно прослужило долгие годы. Исторические документы свидетельствуют, что комплекс необходимых «завхозовских» функций включал в себя обширный диапазон действий. В частности, в конце 1870-х гг. появилась инструкция смотрителю Присутственных мест Тамбова на предмет надзора за порядком и чистотой вверенного ему здания. Согласно ей, смотритель обязывался следить за чистотой полов, стен, потолков, дверей и окон. Во время топки он должен был наблюдать за возможностью возникно-

вения мелких недостатков и делать «починки», чтобы не допускать серьезных повреждений, требующих большого расхода. Он следил также за исправностью приборов и стекол, и в случае, когда они разбивались или ломались сторожами или чиновниками, доносить об этом и следить, чтобы неисправности устраняли виновные за свой счет. Если же причиной поломки был ветер, за работу отвечал архитектор. Зимние рамы вставляли и выставляли учреждения, занимавшие отдельные помещения. Для очистки ретирад и уборки двора первоначально предполагалось нанимать постоянных работников на ассигнованную сумму, но в итоге было решено производить такие работы хозяйственным способом. Лестницы освещались зимой и осенью в течение всей ночи. Весь необходимый инвентарь находился у смотрителя [10, л. 29].

Определенные трудности создавала организация отопления казенных зданий, которую осуществляла Городская управа. Ее гласные составляли ведомости, содержащие информацию о стоимости топлива, его количестве, подрядчиках и местах, куда оно привозилось. Отопление и освещение тюремного замка отражалось в особой книге приходных и расходных материалов [11, л. 1-2; 12, л. 8].

Некоторые частные лица сами предлагали свои услуги в поставке топлива. Так, в январе 1882 г. почетный гражданин М.А. Покровский испрашивал разрешения поставлять

¹ Статья подготовлена при поддержке РГНФ, грант № 12-01-12005в.

березовые дрова для казенных зданий города Тамбова [13].

В целом обеспечение топливом зданий государственных учреждений было далеко не идеальным. Полицейские части неоднократно посылали прошения на поставку дров и не получали ни уведомлений, ни дров, которых оставалось иногда на одну топку. По этой причине приготовление пищи пожарным служителям и отопление арестантских комнат не производилось. Городская управа просила заблаговременно извещать о недостатке дров, но, видимо, прошения, подаваемые в сентябре, октябре и ноябре заблаговременными не считались.

В отдельных случаях поставки срывались из-за непредвиденных ситуаций. Так, в начале 1870-х гг. направлявшийся из казенного леса через реку Цну крестьянин провалился под лед. Возницу и лошадь спасли, но топливо осталось на дне. Через несколько дней на той же дороге провалилось еще четыре воза с пеньками [14].

В начале 1880-х гг. ситуация несвоевременной поставки дров в городские полицейские части оставалась неизменной, не удовлетворяли их и очень толстые дрова, которые из-за недостатка пил и топоров невозможно было распилить и наколоть [13].

Непосредственное поддержание чистоты в помещениях, благоустройство территории вокруг зданий, очистка ретирад и колодцев, обеспечение функционирования печей и дымоходов нередко осуществлялось частными подрядчиками. Прогонки, извещавшие о необходимости подобных работ, подавались учреждениями в городскую управу. Гласные думы (чаще всего в документах конца XIX в. встречается фамилия Никитин) занимались наймом лиц, производивших подобные работы. К тому же они приобретали различные мелкие хозяйственные предметы – от замков и канатов в колодцы до железных ведер и ковшей. Казенные учреждения обращались в Управу и в случае необходимости сменить крышку от погреба [11, л. 4; 15, л. 12; 16, л. 1; 17, л. 2; 18].

Постоянная бумажная волокита, отсутствие разрешения на собственную инициативу (наем работников через гласных) приводило к затяжной переписке и к тому, что фактически не было систематического порядка поддержания всех необходимых ком-

муникаций зданий государственных учреждений. Следовательно, появившиеся многочисленные недостатки были вполне закономерными.

Городскому голове от тамбовского полицмейстера 3 мая 1871 г. был подан рапорт, который извещал, что в 1-й полицейской части не было деревянного пола и вентилятора, а в арестантских комнатах отсутствовали нары. Требовалось обмазать снаружи и внутри кухню, осмотреть печи и очистить ретирадные места. Арестантские комнаты были исправлены, но не должным образом, и полицейская часть просила об их переделке. Неудовлетворительное состояние арестантских комнат в полицейских частях не раз приводило к затяжным разбирательствам. В частности, в апреле 1873 г. во 2-ю полицейскую часть Тамбова был доставлен пьяный крестьянин С.П. Демидов, который к утру скончался. На теле умершего были обнаружены значительные повреждения. По результатам осмотра выяснилось, что смерть наступила по естественным причинам, а труп изгрызли крысы. Архитектор Битюцкий, осмотрев помещения, подтвердил, что в совокупности в арестантских насчитывалось три отверстия, в одно из которых помещался кулак руки, и выразил требование содержать полицейские части в надлежащем виде, что, согласно статьям 103 и 139 городских положений, входило в обязанности городского самоуправления [15, л. 2; 19, л. 28].

К тому же времени относится и требование 3-й полицейской части исправить в трубных сараях печь, обить полостями и рогожами двери. Эта же часть «обогадилась» новой реконструированной кровлей, которая протекла в начале осени [15, л. 82].

По акту, составленному в 1872 г., 2-я полицейская часть требовала капитального ремонта, поскольку сгнили рамы, прогорели две голландские печи, в аварийном состоянии находилась печь в арестантской и русские печи на кухне, штукатурка внутри и снаружи требовала перетирки и отбелки [20, л. 62].

В мае 1874 г. 1-я полицейская часть просила поправить комнаты, перекрасить каретный сарай, отремонтировать задние сени, туалет, печи, рамы, через которые проникал ветер. Член управы Никитин и городской архитектор подали заявление, в котором под-

тверждали ветхость кухни, столовой, свода в погребке, дома приставка, стен самого здания полиции, крыши, полов и потолков, печей, фундамента. Казармы служителей при входе во двор признавались тесными, им требовался новый потолок. В новой крыше нуждались навес, сарай, деревянная и каменная конюшни, трубный сарай, каменный цейхгауз. В каменных казармах задняя стена представляла собой тонкое, промерзающее зимой строение. У части не было забора с улицы. Иными словами, всей усадьбе 1-й части полиции Тамбова требовались капитальные исправления. Причем по тесноте и неудобности казармы и конюшни требовали кардинального исправления [21].

Помимо ожидаемых усовершенствований казенных зданий возникали экстраординарные ситуации. Так, в сентябре 1878 г. задержанная крестьянка Е.И. Соломатина подожгла нары в одной из камер полицейской части, а потом различные комиссии долго разбирались – откуда арестантка взяла спички: или из разбитого окна, или принесла с собой. Был произведен осмотр окон, некоторые действительно оказались разбитыми, но делать ремонт только из-за этого посчитали нецелесообразным. Полицейская управа только не упустила использовать внеочередную возможность вставить помимо выбитых и зимние стекла, поскольку прошение по этому поводу растянулись бы на всю осень. Как говорится, «не было бы счастья»

Городская дума в подобных случаях старалась возлагать ответственность на приставов полицейских частей, но вышестоящее начальство, вероятно, защищая свое ведомство, не удовлетворяло ходатайства думы [15, л. 61].

В мае 1877 г. был поднят вопрос о неудовлетворительном состоянии арестантских во 2-й части полиции Тамбова. Недовольство было подкреплено рядом доводов, среди которых указывалось, что пересыльные из восточных губерний в различные города империи останавливались именно в этой части, поскольку она ближе всего находилась к станции железной дороги. Камеры в зимнее и осеннее время «приветствовали гостей» холодом и сыростью, гнилыми полами и крайне неопрятным и грязным видом с бесчисленным количеством насекомых. Вице-губернатор просил приспособить для одиночных ка-

мер две комнаты, предназначенные для государственных преступников, значительная часть которых принадлежала к привилегированному сословию. Старшему советнику губернского правления и губернскому инженеру было поручено освидетельствовать камеры и составить акт. Дума признала нецелесообразным расходовать средства на перестройку арестантских камер, мотивируя свою точку зрения тем, что во вновь выстроенной 1-й и реконструированной 3-й полицейских частях имелись вполне удобные камеры [22, л. 17-18].

К числу учреждений, испытывавших на себе все неудобства казенных зданий, относились различные военные подразделения. Так, из канцелярии Губернского батальона в апреле 1871 г. Тамбовской городской думе сообщалось, что в казармах от ветхости в коридоре, гнилости балок и перекладин обрушился пол, а во второй роте разрушилась лестница на чердак. Самим зданием батальон был удовлетворен мало, поскольку в нем можно было разместить не более тридцати человек. Зимой подводили неисправные печи (не разгорались, несмотря на усиленную топку). В конюшне протекала крыша, от чего портилась сбруя. Отсутствовала удобная комната для устройства кухни. Сырость и спертый воздух в помещениях вызывали болезни. Начальник полка попытался просить выделения другого здания, в котором удалось бы разместить двести человек [15, л. 41].

В мае 1872 г. Начальник штаба Московского военного округа осмотрел помещения, в которых размещались различные воинские подразделения Тамбова, вследствие чего Управе было выслано строгое написание исправить многочисленные «минусы»¹ [23].

¹ При этом были сделаны следующие выводы: 1) казармы для трех рот, учебные комнаты, цейхгаузы 69-го Рязанского пехотного полка найдены удобными, содержащимися в порядке, но местами сырыми и с плохим туалетом; 2) двухэтажный подготовленный для двух рот каменный дом и занятых на втором этаже швальней был сух, но имел дурной вид без ремонта, и для помещения двух рот представлялся тесным; 3) хорошо содержались помещения дивизионного штаба, квартиры писарей, поливные цейхгаузы, столярные, плотничьи, малярные, шорные и оружейные мастерские, но также требовали реконструкции; 4) лазареты на 80 кроватей в большей степени требовали освежения; 5) из трех казарм 43-го Рязанского пехотного батальона только была просторна и суха, другие так представлялись поместительными, но стояли сырыми и без ремонта; 6) лазарет был достаточно хорошим, но с

Плачевное состояние данных зданий наблюдал и чиновник из Москвы генерал-майор Семенов. В конце августа начальство батальона вновь обращалось к Городской думе с просьбой уточнить, были ли сделаны хоть какие-то распоряжения на счет ремонта в воинских помещениях. В конце концов, был подан рапорт Тамбовскому губернскому воинскому начальнику, в котором начальник батальона жаловался, что осмотрев помещения, архитектор и член думы решили исправлять только то, что уже полностью разрушилось, а остальные неисправности «были как будто бы не указаны и не замечены». А в казармах губернского батальона обвисла штукатурка, прогнили полы и рамы. В казармах сборной команды печь пребывала в полуразрушенном состоянии, а само здание стояло «в сырости и черноте непроглядной» [20, л. 72].

В 1881 г. командиром 9-го Гренадерского Сибирского полка был составлен список необходимых исправлений в полковых постройках. В целом во всех зданиях отмечались сырость во всех помещениях, обваленная штукатурка, ветхие крыши, рамы, двери и ворота, не обитые двери и ветхие отхожие места. Освидетельствование производилось летом, когда люди не находились в помещениях, поэтому не составилось полной картины относительно удобства полковых казарм [24].

Стоит отметить, что сами военные иногда тоже не стремились бережно относиться к занимаемым ими помещениям. Так, домовладелец титулярный советник Толмачев указывал, что солдаты, когда переносили нары из комнаты в комнату, переломали им ножки [15, л. 53-54].

Прошения на исправление несущественных и сложных недостатков подавали начальники различных государственных учреждений: командир Губернского батальона, полицмейстер и приставы полицейских частей, председатель Пожарного комитета, командир 69-го Рязанского пехотного полка. Некоторые из них просили копии контрактов

низкими потолками, которые не позволяли обеспечить больных должным количеством воздуха; 7) канцелярия и мастерские также содержались опрятно, но находились без ремонта; 8) сыростью и трещинами в сводах коридора отличались кухни и пекарни; 9) канцелярия и мастерские Губернских батальонных казарм содержались в порядке, но требовали ремонта.

с лицами, производившими отдельные работы [19, л. 4; 25, л. 6].

Встречались случаи, когда попытки проявить инициативу в плане исправлений принадлежали членам попечительских советов различных казенных заведений. Так, в ноябре 1874 г. на заседании Тамбовского губернского попечительского совета Мариинского детского приюта почетный член А.Н. Чичерин поднял вопрос о необходимости расширения помещений приюта. По акту свидетельства, составленному попечительницей Л.А. Гартинг, директором Зедергольмом и членом Толмачевым, воздух в комнатах приюта благодаря правильной вентиляции был признан удовлетворительным. Возможно, протестуя против данного решения, Чичерин с разрешения государыни Императрицы вышел из попечительского совета. Но через некоторое время заседание совета заявило, что давно сознавало, что здание приюта, учрежденного в 1847 г., по кубическому содержанию воздуха и «удоборазместимости» детских кроватей не соответствовало числу воспитанников [26, л. 1].

Ходатайства начальников учреждений передавались в Городскую управу, которая в случае необходимости серьезных исправлений поручала губернскому архитектору осмотр зданий. Архитектор подавал рапорт, излагавший его мнение по поводу целесообразности реконструкции. Проекты иногда разрабатывались в соответствии с мнением архитектора и начальников [16, л. 57].

Гласные Городской думы осматривали помещения, исправляли их хозяйственным способом, осуществляли контроль над работами, приобретали материалы, осматривали выполненные работы и находили мастеров для ремонта. Небольшой штат гласных обязывался обслуживать обширное количество казенных зданий и часто не справлялся со своими обязанностями [15, л. 6; 27, л. 3-4]. Периодически городская управа пыталась снять с себя ответственность за ремонт отдельных зданий. Так, в 1879 г. управа не нашла нужным производить осмотр и исправление Богдельни, поскольку она содержалась «на особом счету при своем особом управлении». Попечительский совет богоугодного заведения возражал и указывал на принадлежность к городскому обществу. К тому же по Городовому положению устрой-

ство благотворительных учреждений относилось к ведению общественного управления. Средств, выделяемых на ремонт, не хватало. В итоге ремонт Богадельни должен был производиться за городской счет. Следовательно, между различными ведомствами возникали конфликты, что также не способствовало продуктивному выполнению работ [28, л. 1-2].

Среди различной документации, отражавшей процесс взаимоотношений между гласными и подрядчиками, последние указываются иногда по сословной (государственные крестьяне, мещане) и чаще по профессиональной принадлежности (каменщики, печных дел мастера, кровельщики и другие). Контракты, заключаемые с данными лицами, содержали подробный перечень их обязанностей, время выполнения, размер оплаты, процедуру выдачи денег. С целью гарантировать исправное выполнение условий контракта нанимаемое лицо обязывалось внести залог. В случае невыполнения обязанностей Управа имела право нанять другого подрядчика, а издержки покрыть из залога. По окончании сроков контрактов назначались торги. Освидетельствование различных реконструкций производили гласные думы, а также специальные комиссии. По завершении ремонта, осуществляемого хозяйственным способом, составлялась опись выполненных работ, где подробно перечислялись исправления и используемые материалы. В большей степени это были вставленные стекла, исправленные рамы, реже полы и предметы мебели, т. е. исправлялись небольшие недостатки или производился косметический ремонт [16, л. 17; 19, л. 6; 29, л. 79; 30, л. 12].

Изысканием средств на все многочисленные нужды занималась Городская управа, источниками поступления денег служили квартирный сбор, обороты Тамбовского городского общественного банка, ассигнованная сумма на все государственные учреждения. Например, в 1883 г. Городская управа передала 277 руб. в Тамбовское казначейство на содержание центральных зданий МВД и просила выдать квитанцию. Из хозяйственного департамента МВД городскому голове подавался документ, в котором содержалось требование уведомить первого о внесении данных средств. Из росписей расходов или

из ассигнованных средств по счетам покрывались затраты гласных и некоторых учреждений на ремонт и покупку материалов. Но прежде чем что-то возмещать дума направляла гласного для составления акта свидетельства [16, л. 2; 17, л. 2; 31].

Труднее всего было с финансированием учебных заведений. В 1885 г. Сенат рассмотрел жалобу Городской управы на постановление Тамбовского губернского по городским делам присутствия о прекращении отпуска пособия местным реальному училищу и женской гимназии. Дума признавала полезным существование в городе женской гимназии и реального училища, но указывала на невозможность их дальнейшего содержания за счет города ввиду нехватки средств, что просила довести до сведения Министерства народного просвещения и попечителя Харьковского учебного округа. В 1875 г. было решено, что пособие на означенные нужды должно было поступать в размере 4000 руб. из прибылей городского общественного банка. В 1889 г. банк не только не дал прибылей, но принес убыток. Все городские здания на тот момент были уже заложены, а долгов накопилось в размере 357 руб. 564 коп. Управа ходатайствовала перед Министерством народного просвещения о сложении с нее обязанности содержать учебные заведения. Жалоба осталась без последствий.

Прежде чем высказывать мнение о закрытии каких-либо учреждений дума должна была посоветоваться с государственными органами, а если обнаруживалась нехватка средств, то об этом требовалось сообщать в установленном порядке. Ученицы женской гимназии платили по 40 руб., что, по мнению администрации, в совокупности соответствовало сумме пособия. В год учреждению полагалось 3100 руб., теперь денег давалось столько, сколько сбор с учениц не доберет до означенной суммы [32].

Что касалось военных учреждений, то Военное министерство не располагало средствами для открытия кредита для выдачи ссуд земствам и городам на постройку казарм. Если средства и выделялись, то это носило случайный характер и не имело четкого разграничения между реальной необходимостью и случаями, которые можно было отложить [33, л. 5].

Обеспечение функционирования казенных и общественных зданий находилось, таким образом, в ведении Городской управы, через которую проходили прошения и указания из различных казенных учреждений, в т. ч. Губернского правления. Членам Управы поручалось осматривать недостатки в помещениях, нанимать рабочих, закупать материалы. В большей степени исправлять требовалось полы, рамы и крышу. Отдельно решались вопросы отопления и вставки зимних рам. Финансирование производилось, в основном, из средств, собираемых с квартирного сбора, вписанных в отдельные статьи расходов на каждый год. Реже, в случаях, когда требовалась значительная реконструкция, проводилась ассигновка из центрального государственного аппарата. К концу XIX в. стала практиковаться выдача кредитов. Система поддержания зданий в должном виде была усложнена многочисленной перепиской, малым количеством лиц, обслуживавших их реконструкцию. При этом зачастую некачественное состояние инфраструктуры казенных и общественных зданий представляется вполне закономерной.

1. Градостроительство России середины XIX–начала XX века. М., 2001.
2. Город в зеркале генплана: панорама градостроительных проектов в российской провинции XVIII – начала XXI веков. М., 2008.
3. Кошман Л.В. Город и городская жизнь в России XIX столетия. М., 2008.
4. Пирожкова И.Г. Жилищный вопрос и гражданское строительство в русском провинциальном губернском городе в XIX–XX вв. Тамбов, 2004.

5. Чесноков Г.А. Архитектура Воронежа: история и современность. Воронеж, 1999.
6. Леденева Г.П. Гражданская архитектура Тамбова конца XIX – начала XX вв. // Культура русской провинции. Тамбов, 2002. С. 94-102.
7. Енин А.Е. Историко-культурные основы анализа и оценки градостроительного потенциала территорий исторически сложившихся регионов (на примере ЦЧР). М., 2000.
8. Лазарев А.Г. Архитектура и градостроительство юга России. История. Традиции. Современные тенденции. М., 2001.
9. Литвинов С.В. Архитектурно-планировочное развитие городов Среднего Приобья. М., 2007.
10. ГАТО (Государственный архив Тамбовской области). Ф. 17. Оп. 1. Д. 5363.
11. ГАТО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 1412.
12. ГАТО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 1600.
13. ГАТО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 1436. Л. 1-7.
14. ГАТО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 431. Л. 1-5.
15. ГАТО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 48.
16. ГАТО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 97.
17. ГАТО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 99.
18. ГАТО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 732. Л. 1-3.
19. ГАТО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 49.
20. ГАТО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 214.
21. ГАТО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 536. Л. 1-9.
22. ГАТО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 729.
23. ГАТО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 199. Л. 1-5.
24. ГАТО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 1431. Л. 17-19.
25. ГАТО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 57.
26. ГАТО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 567.
27. ГАТО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 3.
28. ГАТО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 1244.
29. ГАТО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 93.
30. ГАТО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 311.
31. ГАТО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 1854. Л. 1-3.
32. ГАТО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 2104. Л. 1-8.
33. ГАТО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 4451.

Поступила в редакцию 12.10.2012 г.

UDC 93/94

ORGANIZATION OF EVERYDAY FUNCTIONING OF STATE AND PUBLIC BUILDINGS OF TAMBOV IN THE SECOND HALF OF 19TH CENTURY

Alina Sergeyevna LOBANOVA, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation, Post-graduate Student, Russian History Department, e-mail: valcan@mail.ru

The organization problem of technical service of state and public buildings of Tambov in the second half of 19th century is scrutinized. The process of petitions about the reconstructions is considered, the participators of organization and production of repair are enumerated. The examples and reasons of work disturbance of this system, which were unsatisfactory conditions of studied buildings, are given. The features of funding are also presented.

Key words: state and public buildings; reconstruction; contractor; economic way of production operations; petitions; act certificates; statement; report; funding.